
МАНКИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

(стенограмма выступления на теоретическом семинаре
журнала «Альтернативы». 12 декабря 2008 г.
Государственная Дума РФ)

*Маркелов Станислав Юрьевич -
президент Института верховенства
права.*

Есть угроза, что, начитавшись постмодернистов, можно превратиться в классического постмодерниста.

Исходя из юридической практики, юристы любят прикрываться авторитетными цитатами. И я начну со смысловой цитаты. По одной причине этого автора очень сложно цитировать: "Синтез не является показателем роста знания, наоборот, это является показателем упадка, так как синтез приводит к потере анализа". Я процитировал Иммануила Канта, его "Критику чистого разума". Сделал это специально, потому что бунт XVIII - начала XIX вв. во многом был бунтом против того, что мы сейчас пытаемся назвать постмодернизмом.

Поздняя теология католицизма, главенствовавшая тогда в Европе, имела очень много схожих признаков. Это отрыв формальной теологии от любой реальности; это запрет на анализ, любые научные дискуссии, которые специально выводились из предела применительной практики. Знаменитый спор: сколько чертей можно уместить на конце иглы вошел в сферу философских анекдотов.

Самое главное здесь - это, действительно, отрыв сферы идеологии, теологии от реального применения религиозных, иных сил, то есть применения их выводов к практике, то есть в догмы позднего католицизма можно было вводить все что угодно. Главное, чтобы ты платил индульгенцию и десятину церкви. Это не оспаривается, это является жестко обязательным. Религиозные догмы могут по разному трактоваться и извращаться: если хочешь, опираешься на Августина, Фому Аквинского, Николая Кузанского: тебе все прощается, если ты платишь десятину, чтить Папу Римского и оплачиваешь индульгенцию. Больше ничего не надо.

Интересно, что сейчас некое революционное новаторское течение представляет тот самый религиозный «постмодернизм», а анализ, наступавший тогда, в XVIII-XIX вв., под напором свободной мысли, становится элементом традиционализма и некой ортодоксии. Почему это происходит то же очень легко определить: дело в том, что это течение имеет такие манки-приманки, которые очень привлекательны для любого исследования. Во-первых, они создают иллюзию индивидуализма: ты можешь вводить созданные номинады чуть ли не в само содержание; тебе не нужно его вписывать в имеющийся контекст, в имеющуюся практику.

Во-вторых, это очень важно, создавая теоретические послылы, тебе не нужно соотносить их с тем, что происходит на самом деле, оправдывать свою идейную конструкцию реальностью. Это всегда сложно для исследователя, особенно для исследователя, оперирующего абстрактными категориями. Обычно люди делятся на практиков и теоретиков. Те, кто это совмещает, - это редкие люди. Постмодернизм создает такой посыл, что ты можешь жить в сфере языка, очень слабо обращая внимания на улицу, или полностью разделяя эти сферы, не соотнося их между собой.

В-третьих, постмодернизм создает иллюзию всеядности, всеобъемлемости: ты можешь включать в эту структуру релятивизма, где все одинаково, что произведение Рембрандта, что собаки, не изучая ни творчество Рембрандта, ни деятельность собаки.

В этой связи я бы хотел повернуть дискуссию: на что купились очень многие левые идеологи? Дело в том, что релятивизм в принципе лежит в основе любых левых знаний. Не важно - марксистское направление или немарксистское. Это потому, что они выросли из идеи равенства любых подходов, любых ценностей и категорий. Постмодернистский релятивизм равенства всех категорий создает спекуляцию: эти категории не надо изучать, ты сам признаешь изначально, что они одинаковые. Значит, этот мир можно сделать всеобъемлющим для любой отрасли знания, нет специальных дисциплин и их категорий. Естественно, это создает потрясающие методологические возможности. Другое дело, что они приводят к никаким выводам.

Такой наукой можно заниматься всю жизнь. Она похожа на занятие по разгадыванию кроссвордов. Когда разгадываешь кроссворды, ты никого общезначимого вывода из этого не получаешь, кроме того, что повышаешь свою общую эрудицию. Можно угадывать без конца: таких кроссвордов тысячи, а если их создаешь сам, то этот процесс может быть вечным.

Получается интересная постмодернистская «диалектика», в которой заключается большой серьезный момент, на который хотел бы обратить внимание: а Вы уверены, что современный марксистский постмодернизм - это контрапункт? Я в это не верю. Сколько из корифеев постмодернизма, даже по формальным показателям, относило себя к марксистскому лагерю? Очень много. Можно упомянуть Францию как *mainstream* в левом движении, именно данного направления. Французская философская школа во второй половине XX века считалась доминирующей, но почему это произошло?

Вторая половина XX в. создала проклятые вопросы для идеологии марксизма. Есть марксистские прогнозы, идейные выкладки, которые не оправдывались. Нужны были какие-то запасные пути. Запасные пути отдали постмодернизму. Используя эти запасные пути, многие идеологи марксизма уходили на «тыловые рельсы», спасали свои идеи, применяя эту методологию. Я не уверен, что распространение левого марксизма связано с теми послылами, о которых Александр Владимирович [Бузгалин]

говорил, потому что тенденция подстроиться под реальность - это не обоснование, это «отмазка».

Нужно оправдываться, подстраиваться под реальность, потому что все вокруг так говорят. Почему-то раньше марксисты могли противостоять разным идейным школам XIX века, а сейчас у них это не получается. Их что «в тюрьму посадят», если они не будут говорить на постмодернистском языке? Мне в это не верится: в конце концов, сталинисты этого не используют. Их, правда, никто не любит. Я заканчиваю. Единственный вопрос: «А есть ли эта линия фронта, между марксизмом и постмодернизмом, линия их противопоставления?» Где она? Я её не вижу.